

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 6 (2021)

Содержание:

<i>В сфере административно-правовых отношений</i>	3
<i>вопросы обеспечения надлежащих условий содержания под стражей, в том числе условий транспортировки лишенных свободы лиц</i>	3
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	3
<i>вопросы аннулирования гражданства Российской Федерации</i>	4
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	4
<i>вопросы наложения запрета иностранному гражданину (лицу без гражданства) на въезд в Российскую Федерацию</i>	10
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	10
<i>вопросы административного выдворения за пределы Российской Федерации</i>	12
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	12
<i>вопросы обеспечения права лица на свободу и личную неприкосновенность в ходе привлечения указанного лица к административной ответственности</i>	12
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	12
<i>право на справедливое судебное разбирательство по делу об административном правонарушении</i>	13
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	13
<i>право на свободу выражения мнения в аспекте блокировки доступа к сайтам</i>	13
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	13
<i>право на свободу мирных собраний</i>	19
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	19
<i>В сфере гражданско-правовых отношений</i>	20
<i>право на компенсацию в случае незаконного и необоснованного лишения свободы</i>	20
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	20
<i>право лица на беспрепятственное пользование принадлежащим ему имуществом (возложение на заявителя обязанности по уплате задолженности по налогам предприятия)</i>	21
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	21
<i>В сфере гражданско-процессуальных отношений</i>	26
<i>несоблюдение принципа презумпции невиновности при рассмотрении судом гражданского дела</i>	26
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	26

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений	26
<i>нахождение обвиняемого (подсудимого) в металлической клетке в ходе судебного заседания.....</i>	<i>26</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека .....</i>	<i>26</i>
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (право на разумные сроки содержания под стражей в ожидании приговора суда) .....</i>	<i>27</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека .....</i>	<i>27</i>
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (право на оперативное рассмотрение жалобы на решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу).....</i>	<i>28</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека .....</i>	<i>28</i>
<i>право на справедливое судебное разбирательство в аспекте права обвиняемого оспорить представляемые стороной обвинения доказательства.....</i>	<i>28</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека .....</i>	<i>28</i>
<i>право на свободу выражения мнения.....</i>	<i>31</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека .....</i>	<i>31</i>

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «б» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

вопросы обеспечения надлежащих условий содержания под стражей, в том числе условий транспортировки лишенных свободы лиц²

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

- № 10682/18 *«Ким и другие против Российской Федерации»* и по 23 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 1 апреля 2021 года);
- № 4688/19 *«Соколов и другие против Российской Федерации»* и по 8 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 29 апреля 2021 года);
- № 7413/18 *«Штатский и другие против Российской Федерации»* и по 9 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 29 апреля 2021 года);
- № 46966/14 *«А.С. и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 июня 2018 года),

¹ В рамках настоящего *Обзора* понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает Европейский Суд по правам человека.

² **Для сведения.** В 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию* (обновлено по состоянию на 1 ноября 2020 года).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2020 год) раздела «Документы». URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/29487/

которыми установлены нарушения статей 3, 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года³ в связи с необеспечением заявителей надлежащими условиями содержания под стражей, в том числе во время их транспортировки, а также ввиду отсутствия эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

*вопросы аннулирования гражданства Российской Федерации*⁴

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 43936/18 «*Усманов против Российской Федерации*» (вынесено 22 декабря 2020 года, вступило в силу 22 марта 2021 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с непропорциональным применением к заявителю ограничительных мер – отмены решения о предоставлении гражданства Российской Федерации, наложения тридцатипятилетнего запрета на въезд на ее территорию по мотиву угрозы национальной безопасности и административного выдворения за пределы Российской Федерации без учета продолжительности пребывания заявителя в стране, прочности сложившихся социальных связей, благополучия его детей и трудностей, которые ожидают его семью.

Суд повторил, что понятие «частная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции является широким понятием, которое охватывает в том числе право устанавливать и развивать отношения с другими людьми, право на «личное развитие» и право на самоопределение (пункт 52 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что в деле «*Рамадан против Мальты*» было постановлено - хотя право на гражданство как таковое не гарантируется Конвенцией или Протоколами к ней, но нельзя исключать, что произвольный отказ в гражданстве может в определенных обстоятельствах поднять вопрос в соответствии со статьей 8 Конвенции из-за воздействия такого отказа на частную жизнь лица. Чтобы установить, возник ли «вопрос» в соответствии со статьей 8 Конвенции, Суд должен оценить, было ли лишение гражданства «произвольным», и «последствия» лишения гражданства для заявителя. В решении по делу «*K2 против Соединенного Королевства*» Суд признал, что лишение гражданства представляло собой

³ Далее – Конвенция.

⁴ **Для сведения.** В 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2019 год) раздела «Документы». URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/28123/

вмешательство, и применил двухэтапный анализ⁵ для определения того, имело ли место нарушение статьи 8 Конвенции. Впоследствии в деле *«Алпеева и Джалагония»* Суд сначала применил критерий «последствий» для определения того, имело ли место вмешательство в права заявителя, а затем использовал критерий «произвольности» для определения того, имело ли место нарушение статьи 8 Конвенции. Этот подход был подтвержден в постановлении по делу *«Ахмадов против Азербайджана»*. В деле *«Гюмид и другие против Франции»* Суд обратил внимание на то, что гражданство является элементом идентичности лица. Чтобы установить, имело ли место нарушение статьи 8 Конвенции, Суд должен рассмотреть вопрос о том, было ли лишение гражданства заявителя произвольным. Затем он должен оценить последствия этой меры для заявителя (пункт 53 постановления).

Суд указал, что при установлении наличия произвольности необходимо проверить, соответствовала ли оспариваемая мера закону; сопровождалась ли она необходимыми процессуальными гарантиями, включая то, была ли предоставлена возможность лицу, лишённому гражданства, обжаловать данное решение в судах и действовали ли власти добросовестно и быстро (пункт 54 постановления).

Суд также повторил, что государства имеют право контролировать въезд и пребывание иностранцев на своей территории. Конвенция, по мнению Суда, не гарантирует право иностранца въезжать в ту или иную страну или проживать в ней, и, выполняя свою задачу по поддержанию общественного порядка, Договаривающиеся Государства имеют право высылать, например, иностранца, осужденного за преступления. Однако их решения в этой области должны в той мере, в какой они могут затрагивать право, охраняемое пунктом 1 статьи 8 Конвенции, соответствовать закону, преследовать законную цель и быть необходимыми в демократическом обществе (пункт 55 постановления).

Что касается иммиграции, продолжил Суд, то статья 8 Конвенции не может рассматриваться как налагающая на государство общее обязательство уважать выбор супружеских пар страны их супружеского проживания и разрешать воссоединение семей на своей территории. Однако выдворение лица из страны, в которой проживают его близкие члены семьи, может быть равносильно нарушению права на уважение семейной жизни, гарантированного пунктом 1 статьи 8 Конвенции. Когда речь идет о детях, должны быть приняты во внимание их наилучшие интересы, и национальные органы, принимающие решение, обязаны оценивать доказательства в отношении практичности, осуществимости и соразмерности любого выдворения родителя, не являющегося гражданином страны, с тем чтобы обеспечить эффективную защиту и достаточную весомость для наилучших интересов детей, которых это напрямую касается (пункт 56 постановления).

Суд отметил, что поскольку аннулирование российского гражданства

---

⁵ Критерии «произвольности» и «последствий».

заявителя автоматически не повлекло за собой решения о его принудительном выдворении с территории Российской Федерации и поскольку эти вопросы рассматривались в рамках отдельных производств, то Суд рассмотрел эти вопросы также отдельно.

Аннулирование гражданства

Отметив существование различных подходов к рассмотрению данного вопроса⁶, Суд последовал основанному на последствиях подходу при определении того, являлось ли аннулирование гражданства заявителя вмешательством в его права в соответствии со статьей 8 Конвенции. Суд рассмотрел:

- (i) каковы были последствия оспариваемой меры для заявителя, а затем
- (ii) была ли данная мера произвольной.

(i) Последствия для заявителя

Во-первых, подчеркнул Суд, решение об аннулировании российского гражданства заявителя лишило его какого-либо правового статуса в Российской Федерации (пункт 59 постановления).

Во-вторых, отметил Суд, заявитель остался без каких-либо действительных документов, удостоверяющих личность. В деле «Смирнова против Российской Федерации» Суд установил, что российским гражданам приходилось необычно часто доказывать свою личность в повседневной жизни, даже при выполнении таких обыденных задач, как обмен валюты или покупка железнодорожных билетов, и что внутренний паспорт также требовался для более важных нужд, таких как поиск работы или получение медицинской помощи. В деле «Аллеева и Джалагоши» Суд также отметил, что отсутствие действительного документа, удостоверяющего личность, наказывается штрафом по статье 19.15 КоАП РФ. Таким образом, лишение паспортов в данных делах было равносильно вмешательству в частную жизнь заявителей. Аннулирование паспорта заявителя в данном деле имело тот же эффект (пункт 60 постановления).

Аннулирование гражданства заявителя, не забыв упомянуть Суд, явилось предпосылкой для наложения на него запрета на въезд и принятия решения о его выдворении с территории Российской Федерации (пункт 61 постановления).

Аннулирование российского гражданства заявителя являлось равносильным вмешательству в права, закрепленные в статье 8 Конвенции, резюмировал Европейский Суд.

(ii) Была ли мера произвольной

Как было отмечено выше, при установлении факта произвольности Суд должен проверить, соответствовала ли оспариваемая мера закону;

---

⁶ См. пункт 53 постановления.

сопровождалась ли она необходимыми процессуальными гарантиями, включая то, была ли предоставлена возможность лицу, лишенному гражданства, обжаловать решение в судах, предоставляющих соответствующие гарантии; и действовали ли органы власти добросовестно и быстро (пункт 63 постановления).

Выражение «в соответствии с законом» требует, согласно сложившейся практике Суда, чтобы мера имела определенную основу во внутреннем законодательстве; оно также относится к качеству рассматриваемого закона, требуя, чтобы он был доступен заинтересованному лицу и предсказуем в отношении его последствий. Закон должен достаточно четко указывать объем дискреционных полномочий, предоставленных компетентным органам, и порядок их осуществления с учетом законной цели рассматриваемой меры, с тем чтобы обеспечить лицу надлежащую защиту от произвольного вмешательства (пункт 64 постановления).

Суд обратил внимание на то, что лишение или аннулирование гражданства как таковое не является несовместимым с Конвенцией. Чтобы оценить, была ли нарушена статья 8 Конвенции в данном деле, Суд исследовал законность оспариваемой меры, сопутствующие процессуальные гарантии и то, как действовали национальные органы власти.

Суд готов был признать, что аннулирование российского гражданства заявителя имело свое основание в нормах Закона «О гражданстве Российской Федерации» и Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации. Вместе с тем Суд остался неудовлетворенным ясностью соответствующих положений и процессуальными гарантиями внутреннего законодательства, действовавшими в данный период.

По мнению Суда, для удовлетворения требований Конвенции закон должен быть сформулирован в ясных выражениях. Если гражданство лица может быть аннулировано или отозвано за предоставление ложной информации или сокрытие информации этим лицом, то в законе следует указать характер данной информации (пункт 67 постановления).

Суд установил, что, возлагая на органы миграционной службы право аннулировать российское гражданство, Положение о рассмотрении вопросов гражданства Российской Федерации в редакции, действовавшей на момент рассматриваемых событий, не требовало от органов власти дачи мотивированного решения, содержащего указание на фактические основания, в соответствии с которыми оно было принято – например, такие сопутствующие обстоятельства, как характер отсутствующей информации, причина ее непредоставления органам власти, время, прошедшее с момента получения гражданства, прочность связей, имеющихся у соответствующего лица со страной, его/ее семейное положение и другие важные факторы. В особенности, от них не требовалось объяснение, почему неуказание заявителем точного количества своих братьев и сестер имело отношение к получению российского гражданства. Не было объяснено, могли ли

миграционные органы отказать заявителю в предоставлении российского гражданства, если бы им были известны факты о его братьях и сестрах. Миграционный орган и внутригосударственный суд отклонили как не относящийся к делу довод заявителя о том, что отсутствовавшая информация не имела значения для получения российского гражданства (пункт 68 постановления).

По мнению властей, после того, как было установлено, что информация, представленная заявителем, являлась неполной, то у властей не было другого выбора, кроме как отменить решение о предоставлении ему российского гражданства, независимо от времени, прошедшего после получения гражданства, прочности связей данного лица с Российской Федерацией, его семейного положения и других факторов. Не было продемонстрировано, что национальные суды должны были учитывать вышеупомянутые факторы как в процессе «об установлении юридического факта», так и в процессе об аннулировании российского гражданства. В деле заявителя суд счел, что довод о его прочных связях с Российской Федерацией не имеет отношения к делу (пункт 69 постановления).

Европейский Суд отметил, что действующая на тот момент правовая база способствовала чрезмерно формалистическому подходу к аннулированию российского гражданства и не давала лицу надлежащей защиты от произвольного вмешательства. Последующее совершенствование применимого законодательства не смогло изменить данный вывод, поскольку поправки не оказали никакого влияния на положение заявителя (пункт 70 постановления).

С учетом вышеизложенного Суд не смог признать, что аннулирование российского гражданства заявителя удовлетворяло требованиям статьи 8 Конвенции. Власти не продемонстрировали, почему непредставление заявителем информации о некоторых из его братьев и сестер было настолько серьезным, чтобы оправдать лишение российского гражданства через несколько лет после его получения заявителем. В отсутствие направленных на нахождение баланса действий, которые ожидалось от национальных органов власти, оспариваемая мера представлялась крайне несоразмерной [непредставлению информации] со стороны заявителя. Таким образом, Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в связи с аннулированием российского гражданства заявителя.

Выдворение заявителя за пределы Российской Федерации

Решение о выдворении заявителя из страны было равносильным «вмешательству» в его право на уважение семейной жизни, подчеркнул Суд (пункт 72 постановления).

Судом было установлено, что это вмешательство соответствовало закону, а именно – статье 18.8 КоАП РФ. Административное выдворение

было дополнительным наказанием за нарушение миграционных правил. Заявитель был признан виновным в неисполнении распоряжении о выезде из страны после того, как тридцатипятилетний запрет на въезд был введен Федеральной службой безопасности на том основании, что он представлял угрозу национальной безопасности (пункт 73 постановления).

В этих обстоятельствах и в свете информации, представленной сторонами, Суд должен был принять во внимание производство по делу о наложении запрета на въезд заявителя, которое явилось предпосылкой для принятия решения о его выдворении за пределы Российской Федерации.

Европейский Суд обратил внимание на утверждения властей, что выдворение заявителя и запрет на въезд преследовали законную цель защиты общественной безопасности или порядка. Однако ни они, ни национальные суды не изложили оснований для обвинений служб безопасности в адрес заявителя (пункт 75 постановления).

Суд отметил, что даже если цель, преследуемая выдворением заявителя с российской территории, была законной, Суд не смог сделать вывод о том, что оспариваемое вмешательство было соразмерным и, следовательно, необходимым в демократическом обществе. Внутригосударственное разбирательство по поводу запрета на въезд было сосредоточено на вопросе о том, приняла ли Федеральная служба безопасности решение о нем в пределах своей компетенции. Никакой независимой проверки того, имел ли ее вывод действительно разумное основание, суд не проводил. Представляется, что критический аспект дела – смогла ли Федеральная служба безопасности продемонстрировать наличие конкретных фактов, послуживших основанием для ее оценки того, что заявитель представлял угрозу национальной безопасности, – не был, по мнению Суда, изучен содержательным образом. Национальные суды ограничились исключительно формальным рассмотрением решения о тридцатипятилетнем запрете на въезд заявителя в Российскую Федерацию (пункт 76 постановления).

Кроме того, продолжил Суд, ни в разбирательстве, касающемся запрета на въезд в Российскую Федерацию, ни в разбирательстве, касающемся административного выдворения заявителя, национальные суды должным образом не сбалансировали затрагиваемые интересы с учетом общих принципов, установленных Судом. В частности, суды не учли следующее:

- (i) продолжительность пребывания заявителя в Российской Федерации;
- (ii) прочность его профессиональных, социальных, культурных и семейных связей со страной;
- (iii) трудности, которые возникли бы у него и его семьи после выдворения заявителя из Российской Федерации; а также наилучшие интересы
- и (iv) благополучие его детей. Простая ссылка на возможность семьи заявителя последовать за ним или остаться в Российской Федерации и получать финансовую поддержку от него, находящегося за рубежом, явно

недостаточна для обоснования серьезного вопроса, который был затронут (пункт 77 постановления).

В целом, согласно позиции Суда, в ходе этих двух судебных разбирательств не было убедительно установлено, что угроза, которую заявитель предположительно представлял для национальной безопасности, перевешивала тот факт, что он проживал в Российской Федерации в течение значительного периода времени в семье с гражданкой Российской Федерации, с которой у него было четверо детей, двое из которых родились в Российской Федерации. Это особенно актуально, учитывая, что во время своего пребывания в Российской Федерации заявитель не совершал никаких правонарушений (пункт 78 постановления). Соответственно, резюмировал Суд, имело место нарушение статьи 8 Конвенции в связи с решением о выдворении заявителя из страны.

вопросы наложения запрета иностранному гражданину (лицу без гражданства) на въезд в Российскую Федерацию⁷

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 29255/18 *«Акмалов против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 9 марта 2021 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с запретом на въезд заявителя на территорию Российской Федерации, о котором он не был уведомлен, без учета обстоятельств его частной жизни (обучение в российском высшем учебном заведении) и необеспечением судом при рассмотрении жалоб заявителя тщательного анализа оснований и соразмерности примененной в отношении него ограничительной меры.

Как усматривалось из текста постановления, стороны не оспаривали тот факт, что запрет на въезд представлял собой вмешательство в право заявителя на уважение его частной жизни. Они разошлись во мнениях относительно того, тщательно ли национальные суды установили баланс между соответствующими интересами при рассмотрении данной санкции.

Суд отметил, что решение о пятилетнем запрете на въезд, вынесенное в отношении заявителя, находилось в силе менее трех месяцев,

---

⁷ Как было отмечено выше, в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2019 год) раздела «Документы». URL: http://www.vsr.ru/documents/international_practice/28123/

с 14 июля по 5 октября 2015 года. В течение всего этого периода заявитель не знал о его существовании (пункт 38 постановления).

Суд установил, что 30 августа 2015 года заявителю был запрещен въезд в Российскую Федерацию по неизвестным ему причинам. Он не был проинформирован о причинах запрета. 5 октября 2015 года ФМС Российской Федерации⁸ отменила запрет на въезд, но заявитель также не был проинформирован об этом решении. ФМС также не проинформировала Пограничную службу об отмене запрета на въезд, поскольку по прибытии заявителя в Российскую Федерацию 8 октября 2015 года ему было вновь вручено такое же письменное уведомление. Ему удалось повторно въехать в страну только после того, как сотрудники пограничной службы позвонили в «ВШЭ»⁹ (пункт 39 постановления).

Суд обратил внимание на то, что заявителю было отказано во въезде в Россию по неизвестным основаниям и по неизвестным причинам, и что в течение всего срока действия запрета на въезд он даже не был проинформирован о его существовании. Более того, он был депортирован в Республику Узбекистан за свой счет, а впоследствии не смог вовремя въехать в Российскую Федерацию, чтобы продолжить там учебу. Представленные документы демонстрировали, что внутригосударственные суды не рассматривали эти утверждения и ограничились выводом о том, что предполагаемая неспособность «ВШЭ» проинформировать миграционные власти привела к тому, что последние приняли решение о запрете на въезд. Заявитель был проинформирован о существовании запрета на въезд 6 ноября 2015 года, только после того, как он был отменен вследствие запроса «ВШЭ» (пункт 40 постановления).

Суд отметил, что национальные суды акцентировали внимание на том, что ФМС отменило санкцию, наложенную на заявителя, без проверки соответствующих фактов, таких как причины неинформирования властями заявителя о наложении запрета на въезд, и утверждений заявителя о невозможности продолжать свое обучение в Москве из-за запрета повторного въезда (пункт 41 постановления).

Вышеизложенные соображения, по мнению Суда, явились достаточными для того, чтобы позволить Суду сделать вывод о том, что национальные суды не обеспечили тщательного баланса различных затрагиваемых интересов и не провели тщательного анализа соразмерности меры, примененной в отношении заявителя, и ее влияния на его частную жизнь. Следовательно, они не приняли во внимание соображения и принципы, установленные Судом, и не применили стандарты, соответствующие статье 8 Конвенции. Таким образом, имело место нарушение указанного положения Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный

---

⁸ Федеральная миграционная служба.

⁹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 43936/18 *«Усманов против Российской Федерации»* (вынесено 22 декабря 2020 года, вступило в силу 22 марта 2021 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с наложением в отношении заявителя тридцатипятилетнего запрета на въезд на ее территорию по мотиву угрозы национальной безопасности (более подробная информация об этом деле изложена выше).

*вопросы административного выдворения за пределы Российской Федерации*¹⁰

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 43936/18 *«Усманов против Российской Федерации»* (вынесено 22 декабря 2020 года, вступило в силу 22 марта 2021 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции ввиду непропорционального применения к заявителю ограничительных мер, в том числе, административного выдворения за пределы Российской Федерации без учета судами продолжительности пребывания заявителя в стране, прочности сложившихся социальных связей, благополучия его детей и трудностей, которые ожидают его семью (более подробная информация об этом деле изложена выше).

вопросы обеспечения права лица на свободу и личную неприкосновенность в ходе привлечения указанного лица к административной ответственности

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 5014/15 и 37483/15 *«Ахунов и Немучинский против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 декабря 2020 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным лишением свободы привлекаемых и административной ответственности заявителей (более подробная информация об этом деле изложена ниже).

---

¹⁰ **Для сведения.** В 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при назначении им наказания в виде административного выдворения* (по состоянию на 1 августа 2018 г.).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2018 год) раздела «Документы». URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27085/

*право на справедливое судебное разбирательство по делу об
административном правонарушении*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 5014/15 и 37483/15 «**Ахунов и Немучинский против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 8 декабря 2020 года), которым установлено нарушение статьи 6 Конвенции в связи с нарушением права заявителей на справедливое судебное разбирательство (более подробная информация об этом деле изложена ниже).

*право на свободу выражения мнения в аспекте блокировки доступа к
сайтам¹¹*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 10795/14 «**Владимир Харитонов против Российской Федерации**» (вынесено 23 июня 2020 года, вступило в силу 16 ноября 2020 года), которым установлено нарушение статьи 10 и статьи 13 Конвенции в связи с нарушением права заявителя на свободу выражения мнения ввиду блокировки доступа к его сайту и отсутствием эффективных средств правовой защиты от соответствующего нарушения.

Суд напомнил, что благодаря своей доступности и способности хранить и передавать огромные объемы информации, в настоящее время сеть «Интернет» стала одним из основных средств, с помощью которых люди осуществляют свое право на свободу выражения мнения и информацию. Сеть «Интернет», с точки зрения Суда, предоставляет необходимые инструменты для участия в мероприятиях и обсуждениях по политическим вопросам и вопросам, представляющим общий интерес, она расширяет доступ общественности к новостям и облегчает распространение информации в целом. Статья 10 Конвенции гарантирует «каждому» свободу получать и распространять информацию и идеи. Это относится не только к содержанию информации, но и к средствам ее распространения, поскольку

---

¹¹ **Для сведения.** В 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на свободу выражения мнения.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2018 год) раздела «Документы». URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26427/

любое ограничение, накладываемое на последнее, обязательно вмешивается в эту свободу (пункт 33 постановления).

Суд установил, что заявитель был владельцем и администратором сайта, на котором размещался контент, касающийся производства и распространения электронных книг, от новостей до аналитических отчетов и практических руководств. Сайт существовал с 2008 года и обновлялся несколько раз в неделю. Он хранился на серверах, находящейся в США компании, предлагающей доступные решения для общего хостинга. Сайт заявителя имел уникальное доменное имя www.digital-books.ru, но использовал числовой сетевой адрес («IP-адрес») совместно со многими другими сайтами, размещенными на том же сервере (пункт 34 постановления).

Суд отметил, что в декабре 2012 года заявитель обнаружил, что доступ к его сайту был заблокирован. Это было следствием решения государственного агентства заблокировать доступ к другому сайту, который размещался на том же сервере и имел тот же IP-адрес, что и сайт заявителя. В рассматриваемой связи Суд напомнил, что меры, блокирующие доступ к сайтам, обязательно должны влиять на доступность сети «Интернет» и, соответственно, включать ответственность государства-ответчика в соответствии со статьей 10 Конвенции (пункт 34 постановления).

Заявителю не было известно о производстве в отношении другого сайта, основаниях для блокирующей меры или продолжительности блокировки. Он не знал и не контролировал, когда, если вообще когда-либо, эта мера будет отменена и восстановлен доступ к его сайту. Он не мог поделиться последними событиями и новостями об электронных публикациях, в то время как посетители его сайта были лишены доступа ко всему контенту сайта. Отсюда следовало, по мнению Суда, что рассматриваемая блокирующая мера сводилась к «вмешательству со стороны публичных властей» в право получать и распространять информацию, поскольку статья 10 Конвенции гарантирует не только право на распространение информации, но и право общественности на ее получение. Такое вмешательство представляет собой нарушение пункта 2 статьи 10 Конвенции, за исключением случаев, когда оно «предусмотрено законом», преследует одну или более законных целей, указанных в пункте 2 статьи 10, и «необходимо в демократическом обществе» для достижения таких целей (пункт 34 постановления).

Суд напомнил, что выражение «предусмотрено законом» относится не только к законодательной основе во внутреннем законодательстве, но также требует, чтобы закон был как доступным, так и предсказуемым, то есть сформулированным с достаточной точностью, чтобы любое лицо могло предвидеть последствия, которое может повлечь за собой данное действие. В вопросах осуществления основополагающих прав это будет противоречить принципу верховенства права, одного из основополагающих принципов демократического общества, закрепленного в Конвенции, если законная

свобода действий предоставлена органам исполнительной власти и выражена в определении неограниченных полномочий. Следовательно, закон должен предусматривать определенную степень правовой защиты от произвольного вмешательства со стороны государственных органов власти в права, гарантированные Конвенцией, и с достаточной ясностью указывать объем любого права усмотрения, предоставленного компетентным органам, и способ его осуществления (пункт 37 постановления).

Суд обратил внимание на то, что нормативным основанием для вмешательства была статья 15.1 Закона об информации¹². Это положение определяет категории незаконного веб-контента, который может быть заблокирован, и устанавливает пошаговую процедуру выдачи и выполнения распоряжения о блокировке. Российские органы власти ссылались на это положение, чтобы заблокировать доступ к онлайн-сборнику историй на тему конопли, известному как «Растаманские сказки». Суд с обеспокоенностью отметил, что статья 15.1 Закона об информации позволяла органам власти применять меры ко всему сайту, не проводя различия между легальным и нелегальным контентом, который он может содержать. Напоминая, что полная блокировка доступа ко всему сайту является крайней мерой, которая сравнима с запретом на газету или телевизионную станцию, Суд счел, что правовое положение, предоставляющее исполнительному органу столь широкую свободу усмотрения, несет в себе риск произвольной и чрезмерной блокировки контента (пункт 38 постановления).

Суд установил, что хотя на сайте нарушителя был, по крайней мере, некоторый предположительно незаконный контент, на сайте заявителя не было контента, подпадающего под сферу действия статьи 15.1 Закона об информации. Заявитель, по мнению Суда, никоим образом не был связан с владельцами сайта нарушителя и не нес ответственности за предположительно незаконный контент. Следовательно, рассматриваемое вмешательство не могло быть основано на том положении, которое, как предполагалось, являлось его юридической основой (пункт 39 постановления).

Суд выяснил, что блокировка сайта заявителя была автоматическим следствием решения Роскомнадзора добавить IP-адрес сайта нарушителя в реестр заблокированных материалов. Немедленным следствием этого решения была блокировка доступа ко всему кластеру сайтов, размещенных на DreamHost, которые имели общий IP-адрес с сайтом нарушителя. Оно было вынесено в соответствии с частью 9 статьи 15.1 Закона об информации, что позволило Роскомнадзору внести IP-адрес сайта нарушителя в Единый реестр заблокированного контента. Однако проверка Судом требования законности не ограничивается установлением того, действовал ли государственный орган в соответствии с буквой внутригосударственного права. Суд также должен выяснить, позволяет ли качество рассматриваемого

---

¹² Здесь и далее речь идет о Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

закон заявителю регулировать его поведение, и защищает ли его от произвольного вмешательства (пункт 40 постановления).

Европейский Суд принял к сведению, что статья 15.1 Закона об информации наделяет Роскомнадзор обширными полномочиями по выполнению распоряжения о блокировке, выданного в отношении конкретного сайта. Роскомнадзор может поместить сайт в Единый реестр заблокированного контента, попросить владельца сайта и поставщика услуг хостинга удалить нелегальный контент и добавить IP-адрес сайта в Единый реестр, если они отказываются это сделать или не отвечают. Однако закон не обязывал Роскомнадзор проверять, используется ли этот адрес более чем одним сайтом, или устанавливать необходимость блокировки по IP-адресу. Такой способ выполнения мог иметь и, в обстоятельствах настоящего дела, имел практический эффект расширения сферы действия распоряжения о блокировке далеко за пределы незаконного контента, на который оно первоначально было нацелено. Фактически, как указали заявитель и третьи лица, вступившие в производство по делу, миллионы сайтов в Российской Федерации остаются заблокированными только по той причине, что они имели общий IP-адрес с некоторыми другими сайтами с незаконным контентом (пункт 41 постановления).

Судом было отмечено, что общий хостинг является распространенным и доступным хостингом для небольших и средних сайтов. Однако владельцы отдельных сайтов, такие как заявитель, могут не знать о содержании совместно размещенных сайтов, в то время как поставщик услуг хостинга – в данном деле компания, находящаяся за пределами российской юрисдикции, – не обязан выполнять решение российских органов власти о нелегальном контенте. Какое бы решение ни выбрал заявитель на платформе общего хостинга, он подвергнется риску того, что российские органы власти объявят незаконным какой-либо контент сайтов, размещенных совместно, и того, что владельцы таких сайтов и поставщик услуг хостинга не выполнят распоряжения об удалении контента. Российское законодательство не требует от заявителя контроля контента совместно размещенных сайтов или выполнения поставщиком услуг хостинга распоряжений об удалении контента. Тем не менее вследствие большой свободы действий, предоставленной законом Роскомнадзору в отношении блокировки, заявитель должен был принять на себя последствия решения органов власти о блокировке только из-за случайной связи на уровне инфраструктуры между его сайтом и чужим незаконным контентом. При таких обстоятельствах Суд не смог установить, что закон являлся достаточно предсказуемым по своим последствиям, и предоставлял заявителю возможность регулировать свое поведение (пункт 42 постановления).

Переходя к вопросу о механизмах защиты от злоупотреблений, которые внутригосударственное законодательство должно предусматривать в отношении блокирующих мер, Суд напомнил, что осуществление полномочий по вмешательству в право на распространение информации

должно быть четко ограничено, чтобы минимизировать влияние таких мер на доступность сети «Интернет». В настоящем деле Роскомнадзор принял решение, согласно которому орган по контролю над наркотиками признал контент сайта нарушителя незаконным. Как первоначальное определение, так и выполнение распоряжения Роскомнадзора были сделаны без предварительного уведомления сторон, чьи права и интересы могут быть затронуты. Блокирующие меры не были санкционированы судом или другим независимым судебным органом, который мог бы предоставить форум, где могли быть заслушаны заинтересованные стороны. Российское законодательство также не требовало проведения оценки воздействия блокирующей меры до ее применения. Власти признали, что Роскомнадзор не был законодательно обязан определять потенциальные побочные последствия блокировки IP-адреса, даже несмотря на то, что обычно используемые инструменты сети «Интернет», такие как «обратный просмотр IP-адреса», могли быстро предоставить список сайтов, размещенных на одном сервере (пункт 43 постановления).

Что касается прозрачности блокирующих мер, то власти утверждали, что заявитель должен был свериться с сайтом Роскомнадзора. Действительно, подчеркнул Суд, Роскомнадзор предоставляет веб-сервис (<http://blocklist.rkn.gov.ru/>), который позволяет любому лицу узнать, был ли заблокирован сайт, и указывает юридическую основу, дату и номер решения о блокировке, а также орган, который принял решение. Однако, по мнению Суда, он не предоставляет доступа к тексту решения о блокировке, не указаны обоснования меры или информация о средствах обжалования. Российское законодательство также не предусматривает каких-либо уведомлений третьим лицам о решениях о блокировке в случаях, когда они имеют побочные последствия для прав владельцев других сайтов. Заявитель не имел доступа к решению о блокировке: оно не было вынесено в ходе внутригосударственного разбирательства, и суды отклонили его запрос о раскрытии информации (пункт 44 постановления).

Относительно разбирательства, которое заявитель инициировал для обжалования побочных последствий распоряжения о блокировке, не было никаких признаков того, что судьи, рассматривающие его жалобу, стремились взвесить различные рассматриваемые интересы, в частности, оценивая необходимость блокировать доступ ко всем сайтам, которые имеют один IP-адрес. Внутригосударственные суды не учли постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 21, в котором от них требовалось соблюдение критериев, установленных в Конвенции, в их толковании Судом. Принимая решение, суды ограничились установлением того, что Роскомнадзор действовал в соответствии с буквой закона. Однако, по мнению Суда, рассмотрение в соответствии с Конвенцией должно было бы учитывать, среди прочего, тот факт, что такая мера, делающая недоступными большие объемы информации, существенно

ограничивала права пользователей сети «Интернет» и имела значительные побочные последствия (пункт 45 постановления).

Суд напомнил, что это несовместимо с верховенством права, если правовая основа не устанавливает механизмов защиты, способных защитить отдельных лиц от чрезмерных и произвольных последствий блокирующих мер, таких как те, которые обсуждались в настоящем деле. Когда исключительные обстоятельства оправдывают блокировку нелегального контента, государственное учреждение, издавшее распоряжение о блокировке, должно обеспечить, чтобы эта мера была нацелена строго на нелегальный контент и не имела произвольных или чрезмерных последствий, независимо от способа ее осуществления. Любая неизбирательная блокирующая мера, которая вмешивается в законный контент или сайты как побочное последствие меры, направленной на незаконный контент или сайты, представляет собой произвольное вмешательство в права владельцев таких сайтов. В свете изучения российского законодательства, примененного в данном деле, Суд пришел к выводу, что вмешательство стало результатом применения процедуры, установленной статьей 15.1 Закона об информации, которая не удовлетворяла требованию предсказуемости в соответствии с Конвенцией и не предоставляла заявителю ту степень защиты от злоупотреблений, на которую он имел право в соответствии с принципом верховенства права в демократическом обществе (пункт 46 постановления).

Соответственно, резюмировал Суд, вмешательство не было «предусмотрено законом», и нет необходимости проверять, были ли выполнены другие требования пункта 2 статьи 10 Конвенции. Следовательно, было допущено нарушение статьи 10 Конвенции.

Заявитель также жаловался в соответствии со статьей 13 Конвенции в совокупности со статьей 10, что суды не рассмотрели существо его жалобы, касающейся блокировки доступа к его сайту.

Суд отметил, что жалоба по статье 13 Конвенции вытекает из тех же фактов, которые он рассматривал при рассмотрении жалобы по статье 10 выше. Однако, продолжил Суд, имеется различие в характере интересов, защищаемых статьей 13 Конвенции, и интересов, защищаемых статьей 10: первая предоставляет процессуальную гарантию, а именно «право на эффективное средство правовой защиты», тогда как процессуальное требование, присущее последней, является вспомогательным для более широкой цели обеспечения уважения основного права на свободу выражения мнения. Принимая во внимание разницу в целях гарантий, предоставляемых этими двумя статьями, Суд счел целесообразным в настоящем деле рассмотреть один и тот же набор фактов в соответствии с обоими положениями (пункт 54 постановления).

Суд обратил внимание на то, что заявитель подал небезосновательную жалобу о нарушении его права на свободу выражения мнения. Соответственно, статья 13 Конвенции требовала, чтобы он имел

внутригосударственные средства правовой защиты, которые были бы «эффективными» как на уровне практики, так и законодательства, в смысле предотвращения предполагаемого нарушения или его продолжения, либо предоставления соответствующего возмещения вреда вследствие любого уже допущенного нарушения.

Хотя заявитель мог подать иск с требованием пересмотра распоряжения Роскомнадзора о блокировке и его последствий для сайта заявителя, суды отказались рассматривать суть его жалобы. Они не изучили ни законность, ни пропорциональность последствий распоряжения о блокировке для сайта заявителя. Соответственно, Суд установил, что средство правовой защиты, предусмотренное национальным законодательством, не было эффективным в обстоятельствах дела заявителя (пункт 56 постановления).

Таким образом, по мнению Суда, было допущено нарушение статьи 13 в совокупности со статьей 10 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам № 20159/15 *«Булгаков против Российской Федерации»* (вынесено 23 июня 2020 года, вступило в силу 16 ноября 2020 года), № 61919/16 *«Энгельс против Российской Федерации»* (вынесено 23 июня 2020 года, вступило в силу 16 ноября 2020 года), № 12468/15 *«ООО «Флабус» и другие против Российской Федерации»* (вынесено 23 июня 2020 года, вступило в силу 16 ноября 2020 года), которыми также были установлены нарушения статьи 10 и статьи 13 Конвенции в связи с нарушением права заявителей на свободу выражения мнения ввиду блокировки доступа к сайту и отсутствием эффективных средств правовой защиты от соответствующего нарушения.

*право на свободу мирных собраний*¹³

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 5014/15 и 37483/15 *«Ахунов и Немучинский против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 декабря 2020 года), которым установлено нарушение статьи 11 Конвенции в связи с нарушением права заявителей на свободу мирных собраний, статьи 6 Конвенции в связи с

¹³ **Для сведения.** В 2021 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено Обобщение практики и правовых позиций международных договорных¹ и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на свободу собраний и объединений.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2021 год) раздела «Документы». URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/30224/

нарушением права заявителей на справедливое судебное разбирательство по делу об административном правонарушении, а также пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным лишением свободы заявителей.

Заявители жаловались на несоразмерные меры, принятые против них как участников мирных публичных собраний, а именно на их задержание и последующее привлечение к административной ответственности за совершение административного правонарушения. Они прямо или косвенно ссылались на статью 11 Конвенции.

Рассмотрев все представленные материалы, приняв во внимание свою прецедентную практику, Суд не установил каких-либо фактов или доводов, способных убедить его прийти к другому выводу по поводу приемлемости и существования данных жалоб. Принимая во внимание свою прецедентную практику по этому вопросу, Суд счел, что в настоящем деле меры, примененные к заявителям как к мирным участникам публичных собраний, не отвечали насущной социальной необходимости и, следовательно, не были необходимыми в демократическом обществе. Таким образом, данные жалобы являлись приемлемыми и свидетельствовали о нарушении статьи 11 Конвенции.

С учетом сложившейся прецедентной практики Европейский Суд также установил в отношении первого заявителя нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции – незаконное лишение свободы: задержание и доставление в отделение полиции для составления протокола об административном правонарушении, а также нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции – право на беспристрастный суд из-за отсутствия стороны обвинения во время производства по делу об административном правонарушении.

В отношении второго заявителя: нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции – незаконное лишение свободы: задержание и доставление в отделение полиции 30 декабря 2014 года для составления протокола об административном правонарушении; содержание под стражей более 3 часов, и пункта 1 статьи 6 – отсутствие справедливого судебного разбирательства: суды основывали свои выводы исключительно на доказательствах, представленных полицейскими.

В сфере гражданско-правовых отношений

право на компенсацию в случае незаконного и необоснованного лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 25742/17 «*Икрамов против Российской Федерации*» (вынесено

и вступило в силу 11 марта 2021 года), которым установлено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя возможности получить компенсацию вследствие нарушения разумных сроков содержания его под стражей в ожидании приговора суда.

право лица на беспрепятственное пользование принадлежащим ему имуществом (возложение на заявителя обязанности по уплате задолженности по налогам предприятия)¹⁴

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 52464/15 *«Аганов против Российской Федерации»* (вынесено 6 октября 2020 года, вступило в силу 6 января 2021 года), которым установлено нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции (презумпция невиновности) в ходе рассмотрения судом гражданского дела, а также нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции из-за незаконного возложения на заявителя обязанности по уплате задолженности по налогам, подлежащим уплате обществом с ограниченной ответственностью (далее – ООО), в котором заявитель являлся руководителем.

Суд обратил внимание на то, что общие принципы, касающиеся соблюдения презумпции невиновности, прочно закреплены в прецедентной практике Суда и могут быть вкратце изложены следующим образом (см. дело *«Аллен против Соединенного Королевства»*):

«119. [П]осле того, как было установлено, что между двумя судебными процессами существует связь, Суд должен определить, соблюдалась ли презумпция невиновности с учетом всех обстоятельств дела. Поэтому более удобно начать с рассмотрения подхода Суда к рассмотрению предыдущих сопоставимых дел по существу.

(а) Подход Суда в предыдущих сопоставимых делах

...

120. В делах, связанных с гражданскими исками о компенсации, подаваемыми потерпевшими, независимо от того, закончилось ли уголовное разбирательство прекращением производства или оправдательным приговором, Суд подчеркнул, что хотя освобождение от уголовной ответственности должно учитываться в рамках гражданского процесса о компенсации, оно не должно препятствовать установлению гражданской обязанности по выплате компенсации, возникающей на основании тех же фактов с наложением менее тяжелого бремени доказывания. Однако, если бы решение национального органа о присуждении компенсации содержало заявление о вменении ответчику уголовной

¹⁴ **Для сведения.** В 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций Европейского Суда по правам человека по вопросу защиты права лица на беспрепятственное пользование принадлежащим ему имуществом.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2020 год) раздела «Документы». URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/28835/

ответственности, то это подняло бы вопрос, подпадающий под действие пункта 2 статьи 6 Конвенции. Этот подход также применялся в делах, касавшихся гражданских исков, поданных оправданными заявителями к страховщикам ...

125. Приведенный выше анализ прецедентной практики Суда в отношении пункта 2 статьи 6 свидетельствует об отсутствии единого подхода к выяснению обстоятельств, при которых эта статья нарушается в контексте судебного разбирательства, следующего за завершением уголовного процесса.

Как показывает существующая прецедентная практика Суда, многое зависит от характера и контекста разбирательства, в рамках которого было вынесено оспариваемое решение.

126. Во всех случаях и независимо от применяемого подхода язык, используемый принимающим решение органом, имеет решающее значение при оценке совместимости решения и его аргументации с пунктом 2 статьи 6. Таким образом, в случае, когда национальный суд постановил, что заявитель «вполне вероятно» «совершил преступления... в которых он обвинялся», Суд установил, что он вышел за рамки гражданского судопроизводства и тем самым поставил под сомнение правильность оправдательного приговора...

Аналогичным образом, когда национальный суд указал, что материалы уголовного дела содержат достаточно доказательств для установления факта совершения преступления, было установлено, что использованная формулировка нарушила презумпцию невиновности... В случаях, когда в постановлении [с]уда прямо говорилось о неспособности развеять подозрение в совершении преступления, было установлено нарушение пункта 2 статьи 6. Однако, если принять во внимание характер и контекст конкретного разбирательства, даже использование некоторых неудачных формулировок не может иметь решающего значения. В прецедентной практике Суда приводятся некоторые примеры, когда нарушение пункта 2 статьи 6 установлено не было, даже несмотря на критику формулировок, использованных внутригосударственными органами власти и судами» (пункт 37 постановления).

Возвращаясь к обстоятельствам названного дела, Суд отметил, что 2 июня 2014 года следователь отказал в возбуждении уголовного дела в отношении заявителя по обвинению в уклонении от уплаты налогов в связи с истечением сроков давности. Другими словами, заявитель никогда не был судим или осужден за это преступление судом, уполномоченным устанавливать вину в соответствии с уголовным законодательством (пункт 38 постановления).

Суд также подчеркнул, что в ходе последующего гражданского процесса национальные суды удовлетворили требования налоговых органов о взыскании ущерба, причиненного в результате неуплаты налогов ООО. Суды признали заявителя ответственным за задолженность ООО, заявив, что он совершил «незаконные действия с преступным намерением уклониться от уплаты налогов». Они сочли этот факт установленным на основании вывода следователя о том, что заявитель уклонялся от уплаты НДС (пункт 39 постановления).

В данном деле Суд должен был рассмотреть вопрос о том, следовало ли толковать приведенную выше формулировку, использованную гражданскими

судами, как вменяющую заявителю уголовную ответственность. Суд рассмотрел контекст разбирательства в целом и его отдельные аспекты, чтобы определить, нарушили ли гражданские суды пункт 2 статьи 6 Конвенции, сделав такое заявление.

Что касается формулировок, использованных внутригосударственными судами, то Суд счел, что они действительно представляют собой заявление о виновности заявителя в совершении преступления. Судебные органы не ограничились своим анализ установлением фактов. Они утверждали, что заявитель совершил противоправные действия с преступным умыслом: суды не только определили *actus reus*¹⁵, что было бы допустимо при данных обстоятельствах. Они пошли дальше и заявили, что действия заявителя были совершены при наличии *mens rea*¹⁶ (пункт 41 постановления).

Изучив контекст разбирательства, Суд не усмотрел в представленных материалах ничего, что могло бы оправдать оспариваемый выбор слов национальных судов.

Во-первых, Суд принял во внимание тот факт, что, предъявляя иск к заявителю о возмещении ущерба, налоговые органы утверждали, что ущерб возник в результате совершенного им преступления. Суд также отметил, что в своем постановлении об удовлетворении исковых требований к заявителю, гражданские суды опирались исключительно на выводы о его уголовной ответственности, изложенные в постановлении следователя от 2 июня 2014 года. Они не рассмотрели какие-либо доказательства, не изучили факты или выводы, сделанные следователем или налоговой инспекцией. Вместо этого они просто сослались на сам факт существования постановления следователя и аудиторского отчета, подтверждающего обязательства ООО по уплате налогов. Они истолковали отсутствие оправдательного приговора по уголовному делу заявителя как автоматическое и достаточное основание для привлечения его к ответственности за ущерб, причиненный неуплатой налогов ООО (пункт 43 постановления).

На этом фоне Суд счел, что формулировка, использованная судами, не была просто неудачной. Она отражала недвусмысленное мнение этих судов о том, что было совершено преступление и что вина за него лежит на заявителе, даже несмотря на то, что он не был осужден за это преступление и не имел возможности воспользоваться своим правом на защиту в рамках уголовного процесса. По мнению Суда, заявление судов было несовместимо с прекращением производства по уголовному делу в отношении заявителя и было равносильно признанию вины заявителя в совершении преступления. Изучив имеющиеся в его распоряжении материалы, Суд не нашел оправдания такому заявлению о вменении заявителю уголовной ответственности (пункт 44 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что заявитель был подвергнут обращению,

---

¹⁵ Действия ответчика (*лат*).

¹⁶ Намерение причинить вред (*лат*).

несовместимому с его правом на презумпцию невиновности, и счел, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции.

Заявитель также жаловался на то, что решение национальных судов о возложении на него обязанности по уплате налоговой задолженности, пени и штрафа, которые подлежали выплате обществом с ограниченной ответственностью, в котором он был управляющим директором, представляло собой вмешательство в его право на беспрепятственное пользование имуществом в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Принципы, выработанные Судом в отношении применения статьи 1 Протокола № 1, были вкратце изложены Большой Палатой в постановлении по делу «*G.I.E.M. S.R.L. и другие против Италии*», а именно:

«292. Суд напоминает, что статья 1 Протокола № 1 к Конвенции, прежде всего, требует, чтобы вмешательство органов государственной власти в пользование имуществом было предусмотрено законом: согласно второму предложению первого пункта этой статьи, лишение имущества должно производиться «на условиях, предусмотренных законом», а второй пункт предоставляет государствам право контролировать использование собственности путем применения «законов». Кроме того, верховенство права, один из основных принципов демократического общества, присущ всем статьям Конвенции ...» (пункт 46 постановления).

Первое и наиболее важное требование статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, отметил Суд, заключается в том, чтобы вмешательство со стороны публичных властей в беспрепятственное пользование имуществом было законным и не было произвольным. Говоря о «законе», статья 1 Протокола № 1 к Конвенции ссылается на то же понятие, встречаемое в любом другом месте Конвенции, и это понятие включает как писанные законы, так и прецедентное право. Она касается качества рассматриваемого закона, требуя, чтобы он был доступным для заинтересованных лиц, точным и предсказуемым в его применении (пункт 55 постановления).

Суд вновь напомнил, что толковать и применять внутригосударственное законодательство должны в первую очередь внутригосударственные органы власти. Однако Суд должен установить, привело ли толкование и применение внутригосударственного законодательства к последствиям, соответствующим принципам Конвенции (пункт 56 постановления).

В этой связи Суд повторил, что процессуальное прекращение производства по уголовному делу, которое имело место в рассматриваемом деле, не должно препятствовать установлению гражданской ответственности по выплате компенсации, вытекающей из тех же фактов с наложением менее тяжкого бремени доказывания. При таких обстоятельствах пострадавшая сторона должна иметь возможность потребовать компенсацию за причиненный ущерб в соответствии с общими принципами деликтного права. Суд также не смог исключить возможность того, что снятие

корпоративной защиты может быть подходящим решением для защиты прав кредиторов компании, включая государство (пункт 57 постановления).

Тем не менее, изучив представленные сторонами материалы, Суд счел, что в обстоятельствах данного дела по изложенным ниже причинам оспариваемые решения судов были лишены каких-либо правовых оснований в нарушение требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Суд отметил, что налоговые органы, а впоследствии и арбитражные суды установили, что ООО не выполнило свои налоговые обязательства и, как следствие, нанесло ущерб государственному бюджету. Когда ООО не смогло выполнить свои обязательства и впоследствии было объявлено банкротом, налоговые органы решили подать соответствующие иски против заявителя, утверждая, что ущерб был результатом совершенного им преступления (пункт 59 постановления).

В этой связи Суд отметил, что в соответствии с российским законодательством лицо может быть признано виновным только вступившим в силу приговором, вынесенным в ходе установленной законом процедуры. В названном деле такого приговора заявителю вынесено не было, обратил внимание Суд. Следователь отказал в возбуждении уголовного дела в его отношении. Тем не менее национальные суды удовлетворили иски налоговых органов и для вывода о том, что заявитель несет ответственность за ущерб, причиненный неуплатой налогов ООО, они сочли достаточным просто сослаться на вывод следователя о том, что заявитель уклонился от уплаты НДС. При этом они не изучили какие-либо доказательства и не сделали независимых выводов в соответствии с применимыми положениями гражданского законодательства о том, что заявитель действительно несет ответственность за неуплату налогов. Более того, ни один из фактов, которые следователь привел в соответствующем постановлении и на которые ссылались суды, не был тщательно изучен или подтвержден в рамках состязательной процедуры ни в уголовном, ни в гражданском процессе (пункт 60 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, внутригосударственные суды, по мнению Суда, приняли во внимание тот факт, что заявитель был управляющим директором ООО, которое не платило налоги. Однако указанные суды не сослались на какие-либо существующие законы или судебную практику, которые позволяли им снять корпоративную защиту и возложить на заявителя ответственность за неуплату налогов ООО в то время пока ООО еще не было ликвидировано (пункт 61 постановления).

Суд счел не относящимся к делу тот факт, что заявитель не обжаловал постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела от 2 июня 2014 года. В доводах властей, подчеркнул Суд, не было указаний на то, что внутригосударственное право позволяло истолковать этот отказ от обжалования как доказательство вины или основание для привлечения к гражданской ответственности (пункт 62 постановления).

Принимая во внимание вышеизложенное, Суд резюмировал,

что предписание о возмещении заявителем ущерба налоговым органам было вынесено произвольно и, следовательно, противоречило требованию законности, предусмотренному статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Этот вывод лишил Суд необходимости в рассмотрении вопроса о том, был ли соблюден справедливый баланс.

В сфере гражданско-процессуальных отношений

несоблюдение принципа презумпции невиновности при рассмотрении судом гражданского дела

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 52464/15 «**Аганов против Российской Федерации**» (вынесено 6 октября 2020 года, вступило в силу 6 января 2021 года), которым установлено нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции (презумпция невиновности) в ходе рассмотрения судом гражданского дела (более подробная информация об этом деле изложена выше).

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

нахождение обвиняемого (подсудимого) в металлической клетке в ходе судебного заседания

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

- № 10682/18 «**Ким и другие против Российской Федерации**» и по 23 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 1 апреля 2021 года);
- № 68287/17 «**Бережной и другие против Российской Федерации**» и по 7 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 15 апреля 2021 года);
- № 7413/18 «**Штатский и другие против Российской Федерации**» и по 9 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 29 апреля 2021 года), которыми установлены нарушения статьи 3 Конвенции в связи с нахождением заявителей в металлической клетке в ходе судебного заседания.

*право на свободу и личную неприкосновенность (право на разумные сроки содержания под стражей в ожидании приговора суда)*¹⁷

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

- № 59667/16 *«Амуниц и другие против Российской Федерации»* и по 4 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 15 апреля 2021 года);
  - №68287/17 *«Бережной и другие против Российской Федерации»* и по 7 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 15 апреля 2021 года);
  - № 25742/17 *«Икрамов против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 11 марта 2021 года);
  - № 10682/18 *«Ким и другие против Российской Федерации»* и по 23 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 1 апреля 2021 года);
  - № 4688/19 *«Соколов и другие против Российской Федерации»* и по 8 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 29 апреля 2021 года);
  - № 7413/18 *«Штатский и другие против Российской Федерации»* и по 9 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 29 апреля 2021 года),
- которыми установлены нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции в отношении заявителей в связи с необоснованно длительным содержанием их под стражей в ожидании приговора суда.

---

¹⁷ Для сведения. В 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права обвиняемого на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании суда* (за период с 1 января 2008 г. по 31 января 2020 г.).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2020 год) раздела «Документы». URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/28713/

право на свободу и личную неприкосновенность (право на оперативное рассмотрение жалобы на решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу)¹⁸

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

- № 59667/16 «*Амуңц и другие против Российской Федерации*» и по 4 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 15 апреля 2021 года);
- № 25742/17 «*Икрамов против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 11 марта 2021 года);
- № 10682/18 «*Ким и другие против Российской Федерации*» и по 23 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 1 апреля 2021 года);
- № 4688/19 «*Соколов и другие против Российской Федерации*» и по 8 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 29 апреля 2021 года), которыми установлены нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции из-за неоперативного рассмотрения судами жалоб на решения о применении к заявителям меры пресечения в виде заключения под стражу.

право на справедливое судебное разбирательство в аспекте права обвиняемого оспорить представляемые стороной обвинения доказательства¹⁹

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе

---

¹⁸ **Для сведения.** В 2016 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций Европейского Суда по правам человека в связи с защитой права лица на незамедлительное рассмотрение жалобы на постановление судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (либо о продлении сроков содержания под стражей), а также ходатайства об освобождении из-под стражи (пункт 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.)* (за 2010-2015 гг.).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2016 год) раздела «Документы». URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/26339/

¹⁹ **Для сведения.** В 2016 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций международных договорных органов по вопросам обеспечения права обвиняемого на защиту при оценке доказательств по уголовному делу.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2016 год) раздела «Документы». URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/26347/

№ 11620/17 «*Евстратьев против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 15 декабря 2020 года), которым установлено нарушение пункта 1 и пункта 3 «d» статьи 6 Конвенции в связи с несправедливым судопроизводством по уголовному делу заявителя ввиду несоблюдения принципа равенства сторон и непредоставлением ему возможности оспорить показания экспертов.

Суд повторил, что допустимость доказательств относится, прежде всего, к вопросам регулирования национальным законодательством. Задача Суда в соответствии с Конвенцией состоит не в том, чтобы вынести решение относительно того, были ли показания свидетелей должным образом приняты в качестве доказательств, а скорее в том, чтобы установить, было ли разбирательство в целом, включая способ получения доказательств, справедливым, акцентировал внимание Суд. В частности, «как общее правило, [внутригосударственные] суды должны оценивать представленные им доказательства, а также их относимость, которые обвиняемые стремятся представить. Пункт 3 «d» статьи 6 Конвенции оставляет за ними, опять же, по общему правилу, право оценить, уместно ли вызывать свидетелей», подчеркнул Суд (пункт 19 постановления).

Суд вновь заявил, что правила допустимости доказательств могут иногда противоречить принципам равенства сторон и состязательности судопроизводства или иным образом влиять на справедливость разбирательства. Хотя «[с]татья 6 [Конвенции] не идет так далеко, чтобы защите были предоставлены те же права, что и обвинению в получении доказательств», обвиняемый должен иметь право искать и представлять доказательства «на тех же условиях», что и обвинение. Ясно, что эти «условия» не могут быть абсолютно одинаковыми во всех отношениях; так, например, защита не может обладать теми же полномочиями на обыск и выемку, что и обвинение. Однако, как следует из текста пункта 3 «d» [с]татья 6, защита должна иметь возможность вести активную защиту – например, вызывая свидетелей от своего имени или приводя другие доказательства» (пункт 20 постановления).

Суд обратил внимание на то, что он уже рассматривал ситуацию, в которой заявители пытались оспорить представленные обвинением экспертные доказательства, опираясь на заключения «специалистов». Суд пришел к выводу, что отказы национальных судов принять в качестве доказательств заключения, специалистов, нарушили принцип равенства сторон, который, согласно его устоявшейся прецедентной практике, является одной из особенностей более широкой концепции справедливого судебного разбирательства независимым и беспристрастным судом (пункт 21 постановления).

Обращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд не увидел оснований считать иначе. Он отметил, что заявитель пытался оспорить экспертные заключения, представленные обвинением. Они составляли неотъемлемую часть доказательств, на которых основывалось осуждение заявителя. По

общему признанию, защита могла просить суд назначить новую экспертизу по соответствующим вопросам. Однако, как усматривалось из текста постановления, для получения такой новой экспертизы защита должна была убедить суд в том, что представленные обвинением заключения были неполными или недостаточными. Суд подчеркнул, что председательствующий судья отказался вызвать на допрос соответствующих судебных экспертов. В результате заявитель «не смог встретиться с ними лицом к лицу, чтобы поставить под сомнение их достоверность» (пункт 22 постановления).

Что касается оспаривания выводов судебно-медицинских экспертов, которые были обобщены в заключениях, представленных обвинением, то Суд повторил, что может быть трудно оспорить заключение эксперта без помощи другого эксперта в соответствующей области. Соответственно, он счел, что в данных обстоятельствах для эффективной реализации этого права защита должна была иметь такую же возможность представить свои собственные «экспертные доказательства» (пункт 23 постановления).

Суд не упустил из виду тот факт, что рассматриваемое право не является абсолютным и формы, в которых защита может обратиться за помощью к экспертам, могут быть различными. В данном случае защита попыталась представить свои «экспертные доказательства», представив суду «особые» заключения специалиста. Мнения были уместны, но суд отказался признать их доказательствами (пункт 24 постановления).

Суд указал, что власти не объяснили, какие еще варианты имелись у защиты, чтобы оспорить «экспертные доказательства», представленные обвинением, или представить свои собственные «экспертные доказательства». Следует признать, что защита могла бы консультироваться с соответствующими специалистами вне контекста судебного разбирательства. Однако Суд не убежден в том, что таких мер будет достаточно для уравнивания позиций обвинения и защиты (пункт 25 постановления).

Принимая во внимание вышеизложенное, Суд резюмировал, что то, как национальные суды оценивали и признавали доказательства по делу заявителя, создавало дисбаланс между защитой и обвинением, нарушая тем самым равенство сторон. Таким образом, имело место нарушение пунктов 1 и 3 «d» статьи 6 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 4493/11 *«Атаманчук против Российской Федерации»* (вынесено 11 февраля 2020 года, вступило в силу 12 октября 2020 года), которым установлено отсутствие нарушения статьи 6 Конвенции в связи с отказом суда в удовлетворении ходатайства заявителя о вызове и допросе специалиста-филолога (более подробная информация об указанном деле изложена ниже).

*право на свободу выражения мнения*²⁰

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 4493/11 «*Атаманчук против Российской Федерации*» (вынесено 11 февраля 2020 года, вступило в силу 12 октября 2020 года), которым установлены отсутствие нарушения статьи 10 Конвенции в связи с привлечением заявителя к ответственности согласно части 1 статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и отсутствие нарушения статьи 6 Конвенции в связи с отказом суда в удовлетворении ходатайства заявителя о вызове и допросе специалиста-филолога.

В той степени, в которой заявитель может ссылаться на статью 10 Конвенции, Европейский Суд напомнил, что «вмешательство» нарушает статью 10 Конвенции, если только оно не удовлетворяет требованиям пункта 2 этого положения. Таким образом, остается установить, было ли такое вмешательство «предусмотрено законом», преследовало ли оно одну или несколько законных целей, закрепленных в указанном пункте, и было ли оно «необходимым в демократическом обществе» для достижения указанных целей (пункт 37 постановления).

Суд отметил, что осуждение заявителя основывалось на части 1 статьи 282 Уголовного Кодекса РФ. Заявитель не привел никаких конкретных аргументов в отношении того, было ли это «вмешательство» «предусмотрено законом». Суд счел, что этот критерий был соблюден в настоящем деле.

Как усматривалось из текста постановления, власти упомянули цель защиты прав других людей, предотвращения беспорядков и «разрешения потенциального конфликта правовыми средствами». По их мнению, статьи заявителя могли спровоцировать насилие и могли негативно повлиять на российский *правопорядок*.

Суд установил, что заявитель был осужден за разжигание ненависти и вражды и унижение достоинства «группы лиц» по причине их «этнической принадлежности, языка, происхождения и религии». Как отмечалось,

---

²⁰ Как было отмечено выше, в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на свободу выражения мнения*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2018 год) раздела «Документы». URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/26427/

по крайней мере, в одном из экспертных заключений, заявитель не называл в своей статье какую-либо конкретную группу, за исключением косвенного упоминания армянской этнической группы. Национальный суд установил, что в своей статье заявитель говорил о людях, проживающих в Краснодарском крае и являющихся «нерусскими» в том смысле, что они были нерусской национальности и/или прибыли в Российскую Федерацию из другой страны и/или говорили на языке, отличном от русского и/или имели иные религиозные убеждения (очевидно, отличающиеся от большинства населения региона). По-видимому, заявитель не оспаривал это толкование. Суд счел это установленным и, таким образом, принял это во внимание. Действительно, заявитель утверждал, со ссылкой на «этнические особенности», что члены этих групп занимались преступной деятельностью и что, проживая в Российской Федерации, они продолжали преступное поведение. С другой стороны, заявитель противопоставлял эти группы «русскому» населению в смысле этнической принадлежности. В то же время из содержания статьи видно, что в ней также говорилось о том, что эти группы или их отдельные члены «мигрировали» в Российскую Федерацию. Этот аспект также имел отношение к делу, хотя и являлся, по мнению Суда, второстепенным (пункты 40–41 постановления).

Ввиду вышеизложенных соображений Суд признал, что «вмешательство» в настоящее дело было направлено на защиту «прав других лиц», в частности, достоинства людей нерусской национальности, проживающих в Краснодарском крае. В постановлении Большой Палаты по делу *«Аксу против Турции»* Суд отметил, что дискриминация на основании, *помимо прочего*, этнической принадлежности является формой расовой дискриминации. Расовая дискриминация является особо возмутительным видом дискриминации и, в свете своих опасных последствий, требует от властей особой бдительности и незамедлительной реакции. Суд также постановил, *помимо прочего*, что негативные стереотипные представления об этнической группе были способны, при достижении определенного уровня, оказывать влияние на ощущение идентичности группы и на чувства собственного достоинства и уверенности в себе ее членов (пункт 42 постановления).

По мнению Суда, не было никаких оснований во внутригосударственной оценке для утверждения властей о преследовании заявителя в связи с риском насилия или, в более общем смысле, любым риском беспорядка. Чтобы обосновать эту законную цель, необходимо продемонстрировать, что заявления заявителя были «способны привести» или фактически приводили к беспорядкам – например, в форме народных волнений, таких как массовые выступления, – и что национальные власти имели это в виду, когда действовали с целью наказать его. Не оспаривалось, что статья заявителя не содержала прямых или косвенных призывов к насилию. Действительно, суд, судя по всему, не следовал выводу, сделанному в заключении Ф. о том, что утверждения заявителя содержали

косвенный призыв к насильственным действиям против группы лиц (пункт 43 постановления).

В отсутствие достаточных подробностей, Суд не усмотрел, была ли ссылка властей на «неблагоприятные последствия для российского правопорядка» или «разрешение потенциального конфликта правовыми средствами» ссылкой на законные цели с точки зрения пункта 2 статьи 10 Конвенции (пункт 44 постановления).

Далее Суд перешел к исследованию вопроса о том, было ли вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнений «необходимым в демократическом обществе» для достижения законной цели защиты «прав других лиц», как они были описаны выше.

Суд вновь обратил внимание на то, что свобода выражения мнения составляет одну из существенных основ демократического общества и является главным условием развития общества и самовыражения каждого из его членов. Согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции она применяется не только к «информации» или «идеям», признанным правильными, безобидными или нейтральными, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых не существовало бы «демократического общества» (пункт 46 постановления).

Суд вновь заявил, что оскорбительная лексика может выходить за рамки защиты свободы выражения мнений, если она равносильна непристойному унижению; однако использование вульгарных фраз само по себе не имеет решающего значения для оценки оскорбительного выражения, поскольку оно вполне может служить лишь стилистическим целям. Стилль является частью коммуникации как формы выражения и как таковой защищен вместе с содержанием выраженных идей и информации (пункт 47 постановления).

Как указано в статье 10 Конвенции, продолжил Суд, свобода выражения мнения допускает ряд исключений, которые, однако, должны строго регламентироваться, и необходимость любых ограничений должна быть убедительно определена (пункт 48 постановления).

Как было подчеркнуто в тексте постановления, «[з]адачей Европейского Суда при исполнении надзорных функций является не исполнение обязанностей компетентных национальных органов, а только пересмотр решений компетентных национальных органов согласно статье 10 Конвенции, вынесенных ими в соответствии с их полномочиями по оценке. Это не означает, что надзор ограничен в установлении того, действовало ли государство-ответчик по своему усмотрению здраво, осмотрительно и добросовестно; перед Судом стоит задача оценить обжалуемое вмешательство в свете дела в целом и определить, было ли оно «соразмерным преследуемой законной цели», а также являются ли причины, представленные национальными властями для обоснования этого, «достаточными и существенными». Поступая таким образом, Суд должен

убедиться также в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10 Конвенции и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу» (пункт 49 постановления).

По мнению Суда, при оценке конкретного случая «вмешательства» в свободу выражения мнения в данном типе дел следует принимать во внимание различные факторы, в том числе: контекст, в котором были сделаны оспариваемые заявления, их характер и формулировку, их способность привести к вредным последствиям и причины, приведенные судами для оправдания рассматриваемого вмешательства; были ли заявления сделаны на фоне напряженного политического или социального фона; могут ли заявления, справедливо истолкованные и рассматриваемые в их непосредственном или более широком контексте, рассматриваться как прямой или косвенный призыв к насилию или как оправдание насилия, ненависти или нетерпимости; способ, которым были сделаны заявления, и их способность – прямая или косвенная – привести к вредным последствиям. Исход конкретного дела определяется взаимодействием между различными факторами, а не каким-либо одним из этих факторов, взятым в отдельности (пункт 50 постановления).

Суд отметил, что, оценивая, могут ли заявления рассматриваться как прямой или косвенный призыв к насилию или как оправдание насилия, ненависти или нетерпимости, указанный межгосударственный орган по защите прав и свобод человека «был особенно чувствителен к необоснованным заявлениям, оскорбляющим или выставляющим в негативном свете этнические, религиозные или другие группы в целом (см. решение Европейского Суда от 18 мая 2004 года по делу *«Серо против Франции»*... и решение Европейского Суда от 20 апреля 2010 года по делу *«Ле Пен против Франции»*..., во всех указанных решениях речь идет в целом о негативных высказываниях в отношении неевропейцев и, в частности, мусульманских иммигрантов во Франции; решение Европейского Суда по делу *«Норвуд против Соединенного Королевства»*..., которое касалось заявлений, связывающих всех мусульман в Соединенном Королевстве с террористическими атаками в Соединенных Штатах Америки 11 сентября 2001 года; решение Европейского Суда от 2 сентября 2004 года по делу *«В.П. и другие против Польши»*..., и решение Европейского Суда от 20 февраля 2007 года по делу *«Павел Иванов против Российской Федерации»*..., оба указанных решения касались яростных антисемитских заявлений; постановление Европейского Суда от 16 июля 2009 года по делу *«Фере против Бельгии»*..., касающееся заявлений, изображающих неевропейские иммигрантские общины в Бельгии как преступно настроенные; решение Европейского Суда от 12 июня 2012 года по делу *«Хизб ут-Тахрир и другие против Германии»*..., и постановление Европейского Суда от 14 марта 2013 года по делу *«Касымахунов и Сайбаталов против Российской Федерации»*..., которые касались прямых

призывов к насилию против евреев, государства Израиль и Запада в целом)» (пункт 51 постановления).

Поэтому, согласно позиции Европейского Суда, провоцирование ненависти не обязательно должно выражаться в призыве к насилию или другим преступным действиям. Нападки на личность в форме оскорблений, а также насмешки и клевета в отношении определенной группы населения могут оправдать борьбу властей с ксенофобскими и иными дискриминационными высказываниями, так как это является осуществлением свободы выражения мнения в недопустимой форме (пункт 52 постановления).

Суд установил – в своей статье заявитель утверждал, что «представил свои аргументы в пользу своего решения не голосовать на предстоящих выборах. Его рассуждения побудили его спросить о понятии «народа», чье богатство росло, согласно некоторым оценкам. Его последующие рассуждения мог[ли] быть восприняты как предполагающие, что люди русской национальности пострадали, и виноваты в этом были нерусские группы. Его статья заканчивалась обращением к новому Президенту Российской Федерации для решения связанных с этим вопросов» (пункт 53 постановления). Заявитель утверждал, со ссылкой на «этнические особенности», что члены этих групп занимались преступной деятельностью и что, находясь в Российской Федерации, они продолжали вести себя преступно, «запуская руки в чужой карман» и сговорившись против «жителей Кубани». Заявитель также утверждал, что члены этих групп будут «убивать, насиловать, грабить и порабощать в соответствии со своими варварскими идеями» и что они «будут участвовать в уничтожении» Российской Федерации (пункт 54 постановления).

Заявитель был осужден за свою статью, которая, по мнению национальных судов, разжигала ненависть и вражду и унижала достоинство группы людей по причине их этнической принадлежности, языка, происхождения и религии.

Как усматривалось из постановления, за каждую публикацию статьи заявитель был приговорен к штрафу в размере 200 000 рублей (около 5086 евро на тот момент)²¹, а также был лишен права заниматься журналистской или издательской деятельностью в течение двух лет. Отмечая истечение срока судебного преследования в отношении первой статьи, суд постановил, что соответствующие приговоры не подлежали исполнению в отношении первой публикации статьи (пункт 56 постановления).

Что касается языка, использованного в рассматриваемой статье, Суд счел, что подобный язык был использован с целью «оскорбить, шокировать или вывести из равновесия». Отметив это, Европейский Суд напомнил, что именно взаимодействие различных факторов, а не любого из них, взятого в отдельности, приводит к выводу, что конкретное утверждение

---

²¹ Штраф за второе нарушение был затем заменен на двести часов общественных работ из-за неуплаты заявителем штрафа.

представляет собой выражение, которое не может требовать защиты по статье 10 Конвенции или которое может наказываться в порядке уголовного преследования, например, в соответствии с законодательством о «разжигании ненависти», как в настоящем деле (пункт 57 постановления).

Европейский Суд признал, что основания, приведенные национальными судами для осуждения заявителя, были важны для достижения законной цели. По мнению Суда, оставалось установить, были ли эти причины достаточными в контексте настоящего дела.

Суд отметил, что оспариваемый текст был впервые опубликован во время и в связи с продолжающейся избирательной кампанией в 2008 году. Основная идея статьи заявителя состояла в том, чтобы представить его взгляды относительно (не)участия в предстоящих выборах. В то же время Европейский Суд не усмотрел особой логики или существа в последующем дискурсе заявителя, касающемся отрицательной роли нерусских групп по отношению к начальной обсуждаемой теме. Его рассуждения не могут быть разумно восприняты как комментарии, критикующие какую-либо конкретную политику правительства, например, в отношении миграции (пункты 59–60 постановления).

Суд отметил, что даже если утверждение считается оценочным суждением, пропорциональность вмешательства может варьироваться в зависимости от того, действительно ли существует «фактическое обоснование» оспариваемого заявления: если обоснования нет, такое оценочное суждение может оказаться чрезмерным. Суд согласился с внутригосударственными судами в том, что статья заявителя не содержала таких достаточных фактических оснований. В показаниях заявителя в судах или в Европейском Суде не было ничего, что могло бы послужить какой-либо основой для резких замечаний о жителях нерусских этнических групп в Краснодарском крае и негативных стереотипов (пункт 61 постановления).

В этом контексте Суд выразил сомнение по поводу того, было ли содержание статьи заявителя «способно внести вклад в общественные дебаты» по соответствующему вопросу или что «основная цель» статьи касалась вопроса голосования на выборах или воздержания от него (пункт 62 постановления).

Суд также отметил, что статья заявителя была опубликована в газетах с тиражами 8 000 и 10 000 экземпляров, распространяемых в городе Сочи, который, как указал суд первой инстанции, хотя и достаточно поверхностно, находился в «многоэтническом регионе» (пункт 63 постановления).

Суд согласился с судами в том, что формулировка оспариваемых заявлений может быть обоснованно оценена как разжигание низменных эмоций или укоренившихся предубеждений в отношении местного населения нерусской национальности. Таким образом, несмотря на то, что не считалось, что в статье содержался какой-либо явный призыв к актам насилия или другим преступным действиям, но определенная реакция национальных властей находилась в пределах их свободы усмотрения (пункт 64

постановления).

Суд принял к сведению, что наказание в отношении первой публикации оспариваемой статьи не было исполнено. Что касается второй публикации той же статьи, в обстоятельствах дела Европейский Суд счел, что наказания были соразмерны преследуемым целям.

Европейский Суд обратил внимание на то, что характер и строгость примененных санкций являются теми факторами, которые необходимо принимать во внимание при оценке соответствия вмешательства свободе выражения мнения, гарантированной статьей 10 Конвенции. Суд должен проявлять крайнюю осмотрительность там, где принятые национальными властями меры или наложенные ими санкции таковы, что могут заставить прессу отказаться от участия в обсуждении вопросов, представляющих законный общественный интерес. Хотя Договаривающимся государствам разрешается, или они даже обязаны, на основании их позитивного обязательства в соответствии со статьей 8 Конвенции, регулировать осуществление свободы выражения мнений с целью обеспечения надлежащей защиты в соответствии с законом репутации отдельных лиц, они не должны делать это таким образом, который ненадлежащим образом удерживает средства массовой информации от выполнения ими своей роли «общественного наблюдателя» (например, путем предупреждения общественности о явном или предполагаемом злоупотреблении государственной властью). Журналисты, занимающиеся расследованиями, могут быть лишены возможности освещать вопросы, представляющие общественный интерес (например, такие как предполагаемые нарушения при заключении государственных контрактов с коммерческими организациями), если они рискуют, в качестве одной из обычных санкций, налагаемых за необоснованные нападения на репутацию частных лиц, быть приговоренными к тюремному заключению или к запрету на осуществление своей профессии. Такой сдерживающий эффект, как страх перед наказанием оказывает негативное влияние на реализацию журналистами свободы выражения мнения, действует во вред обществу в целом, и также является фактором, который касается пропорциональности, а тем самым и обоснованности взысканий, наложенных на заявителя, который имел право привлечь внимание общественности к важному вопросу, представляющему общий интерес (пункт 66 постановления).

Суд подтвердил, что, хотя определение наказания, в принципе, является вопросом внутригосударственных судов, введение тюремного заключения за преступления в рамках прессы будет совместимо со свободой журналистского самовыражения, гарантированного статьей 10 Конвенции, только в исключительных обстоятельствах, в частности там, где другие основные права были серьезно нарушены, как, например, в случаях разжигания ненависти и подстрекательства к насилию. Предварительные ограничения, налагаемые на деятельность журналистов, требуют самого тщательного изучения и оправданы только в исключительных

обстоятельствах (пункт 67 постановления).

Суд установил, что заявителю было назначено наказание в виде штрафа незначительного размера. Суд первой инстанции также решил назначить дополнительное наказание, запрещающее ему заниматься какой-либо журналистской или издательской деятельностью.

По мнению Суда, наказания по названному делу были вынесены в контексте законодательства, направленного на борьбу с разжиганием ненависти. В конкретном контексте обвинения против заявителя назначенные наказания были направлены на защиту «прав других лиц», в частности, достоинства людей нерусской национальности, проживающих в Краснодарском крае Российской Федерации. В этой связи Европейский Суд напомнил, что Договаривающимся государствам разрешается или даже они обязаны своими позитивными обязательствами в соответствии со статьей 10 Конвенции регулировать осуществление свободы выражения мнений, чтобы обеспечить надлежащую защиту со стороны закона в таких обстоятельствах и/или где основные права других лиц были серьезно нарушены. Кроме того, Европейский Суд уже выразил сомнение в том, что содержание статьи заявителя было «способно внести вклад в общественные дебаты» по соответствующему вопросу или что его «основной целью» было сделать это. Суд также отметил, что пункт 1 статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает возможность корректировки периода запрета на осуществление определенной деятельности, который может составлять «до трех лет». Что касается заявителя, то суд ограничил это дополнительное наказание двумя годами с учетом обстоятельств дела (пункт 70 постановления).

С другой стороны, согласно позиции Суда, следовало отметить, что в рассматриваемый период времени заявитель являлся учредителем газеты «Сочи – другой взгляд» и только изредка публиковал статьи в других местных газетах (таких как «Лазаревская панорама»), видимо, как фрилансер, помимо своей основной профессиональной деятельности в качестве предпринимателя. Суд счел, что из обстоятельств дела не следовало, что запрет на осуществление журналистской или издательской деятельности в течение двух лет имел какие-либо существенные практические последствия для заявителя. Заявитель не доказал обратное в Суде (пункт 71 постановления).

С учетом вышеизложенного Европейский Суд признал, что настоящее дело раскрыло исключительные обстоятельства, оправдавшие наказания, наложенные на заявителя. В частности, Суд счел, что, запретив заявителю заниматься журналистской или издательской деятельностью в течение двух лет, национальные суды не нарушили в данном деле принципа, согласно которому пресса должна быть способна выполнять роль общественного наблюдателя в демократическом обществе. Европейский Суд пришел к выводу, что по названному делу не было допущено нарушения статьи 10 Конвенции.

Заявитель также жаловался в соответствии со статьей 6 Конвенции, что у него не было возможности допросить Ф., специалиста-филолога.

По мнению Европейского Суда, независимо от того, могут ли окончательные устные показания Ф. на суде рассматриваться как «свидетельские показания» (будь то для стороны обвинения или стороны защиты), в настоящем деле следовало учитывать общую справедливость разбирательства и, в связи с этим, данная жалоба должна быть отклонена по следующим причинам.

Европейским Судом было установлено, что основные выводы Ф. соответствовали ряду заключений экспертов, назначенных по уголовному делу. Эти выводы были неблагоприятны для заявителя. Правда, в отличие от заключений экспертов, Ф. пришел к выводу, что статья заявителя содержала косвенные призывы к насильственным действиям против нерусского населения. Этот вывод, однако, не был рассмотрен судом первой инстанции при осуждении заявителя. Суд отметил, что как суд первой инстанции, так и суд апелляционной инстанции, предпочли полагаться в основном на экспертные заключения, а не на заключение Ф., который, однако, был упомянут среди доказательств, подтверждающих вину заявителя. Не утверждалось, и Европейский Суд не нашел, что заявитель был ограничен в оспаривании данных экспертных заключений в ходе судебного разбирательства. Кроме того, представляется, что Ф. был допрошен в ходе предварительного следствия. Оставалось неясным, какие вопросы заявитель хотел задать Ф. во время судебного разбирательства или при обжаловании, отметил Суд (пункт 83 постановления).

Таким образом, Европейский Суд резюмировал, что, несмотря на то, что суды не указали причины отклонения ходатайства заявителя, в конкретных обстоятельствах настоящего дела отказ вызывать Ф. для допроса в суде в отношении представленных им доказательств (то есть его заключения специалиста) не затронул общую справедливость уголовного разбирательства в отношении заявителя в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Суд пришел к выводу о том, что в настоящем деле не было допущено нарушение статьи 6 Конвенции.

Неофициальные переводы текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получены из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.